

Очищенная от плоти и сухожилий кость слабо мерцала в тусклом свете, отливая мягким, почти жемчужным белком. Если приглядеться, в этой неестественной белизне угадывался едва заметный, зловещий оттенок чуждой, инфернальной силы.

Обрубки мышц у самого плеча кровоточили при каждом движении Сатору. Обнажившееся сплетение сосудов и растерзанная плоть являли собой жуткое, бьющее по глазам зрелище.

Сам же Годжо разглядывал собственную обнаженную кость с ленивой, мечтательной улыбкой. Яростный рык Супермена не вызвал на его лице ни малейшего изменения.

Он словно не слышал гневных упреков криптонийца. Напротив, Сатору подпер щеку лишенной плоти рукой — тонкие, ослепительно белые фаланги мягко прижались к неповрежденной коже. Контраст живого лица и оголенного скелета, изящных костяных пальцев на безупречной бледной щеке рождал извращенную, пугающую эстетику.

— Ты наелся? — спросил он Ганнибала.

— Если я скажу «нет», угостишь меня своей щекой? — Ганнибал с безупречным изяществом промокнул уголки губ влажной салфеткой. — Щековина — деликатес высшего сорта. Нежная, упругая, волокнистая.

— Ну уж нет! — капризно протянул Годжо. — Но если тебе действительно мало...

Он негромко хмыкнул и лениво вытянул ободранную до скелета руку, постукивая костяшками по прутьям решетки.

— Могу оттяпать косточку на пробу. Заодно проверим, подействует ли на тебя Вирус Джокера. Как-никак, ты вкусил моей плоти и крови в самом что ни на есть буквальном смысле.

Супермен — монументальная фигура в белом плаще — нависал прямо над ними, однако ни один из собеседников не удостоил верховного Лорда и толикой внимания.

— О чем ты только думаешь?! — Гнев криптонианца достиг апогея. Не в силах больше оставаться безучастным зрителем, он рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился в запястье Сатору, но тут же отдернул пальцы, наткнувшись на голую, скользкую от крови кость.

— Немедленно исцели руку! — Кларк яростно уставился на изуродованное запястье. В этот миг ему больше всего хотелось силой утащить этого невыносимого безумца в Крепость Одиночества и запереть в регенерационной камере, лишь бы тот перестал глумиться над собственным телом.

— И что, прямо так и потащишь? — Сатору вызывающе сощурился и потянулся всем телом. Вид разгневанного пришельца лишь забавлял его. — Неужели ты созрел для хорошей драки?

Он шутливо встал в боевую стойку.

— Ты прекрасно знаешь, что я не хочу с тобой сражаться. Наш бой бессмысленен, — глухо отозвался Супермен. — Это затянется на вечность, масштаб разрушений будет катастрофическим, пострадают невинные люди. Победителя в нашей схватке не будет.

Годжо разочарованно надул губы, опустил руки и снова принялся со скучающим видом изучать свой обглоданный локоть.

— Верни все как было, — Супермен навис над ним, глядя сверху вниз. В его синих глазах застыло глубокое, бесконечное терпение — так смотрят на нашкодившего ребенка. — Веди себя нормально, Сатору.

На сей раз Сатору отреагировал: на его губах заиграла ядовитая усмешка.

— А по-твоему, я хоть когда-нибудь был нормальным?

Он взгляделся в глубокую синеву чужих глаз, где отчетливо, почти осязаемо проступала ядовито-зеленая искра. Протянув вперед искаленную руку, Годжо заставил обратную проклятую технику работать: багряные волокна мышц и сетка сосудов стремительно оплели кость, затягиваясь свежей, безупречно гладкой кожей.

Супермен промолчал. Перед его мысленным взором невольно пронеслись картины прошлого.

Тот оглушительный взрыв в Готэме... Годжо, мчавшийся со всей скоростью из Метрополиса, все равно опоздал. Ему пришлось беспомощно наблюдать, как зеленое ядовитое облако расползается по улицам города. Бэтмен лежал поверженный, Бэйн прижал его к колену, готовый сломать позвоночник, а Джокер с мерзким хихиканьем шагал вперед.

И тогда раздался сухой, едва слышный щелчок. Нить, сдерживавшая разум Сатору, лопнула.

С ледяным лицом он одним ударом отправил Бэйна в полет, мгновенно развернулся и мертвой хваткой вцепился в горло шута.

— Белый Ворон! Не смей! — прохрипел Бэтмен.

Но когда Темный Рыцарь сквозь пелену боли разлепил глаза, он увидел торжествующую, победную ухмылку на лице маньяка. Они все попались на удочку.

«Наслаждайся этим днем, Бэтс!» — беззвучно, одними губами выговорил безумец.

Раздался резкий хруст. Шейные позвонки сломались. С застывшей на губах улыбкой Джокер испустил дух.

— Только его смерть положит конец этому кошмару, — медленно произнес Годжо, поднимаясь во весь рост.

Бэтмен не ответил ни слова. Он лишь молча, с невыразимой скорбью смотрел на своего названного сына.

Белоснежная повязка сползла во время яростной схватки, обнажив Шесть Глаз. Но сияющая лазурь этих драгоценных камней уже начала затягиваться тонкими, ядовито-зелеными нитями безумия.

В тот миг Супермен, находившийся на земной орбите, услышал полный нечеловеческой боли крик Брюса. Крик, заглушаемый глухими ударами кулаков о бетон и треском разрываемой плоти.

Тогда Кларк не мог разорваться — полчища инопланетных захватчиков требовали его безраздельного внимания.

И когда он, покончив с угрозой, наконец спустился в истерзанный Готэм, его взору предстал Сатору. Тот стоял на коленях, содрогаясь от безмолвного крика, и из его бессвязного бреда становилось ясно: он ведет отчаянную, проигрышную войну за собственный разум.

А Брюс, его вечно молчаливый соратник, просто стоял рядом. Опустошенный, раздавленный горем отец сжимал в кулаке обломки передатчика экстренной связи.

Кларк до сих пор не мог представить, через какой ад тогда прошел Брюс.

Оставшись один на один с бедой, без малейшего шанса на спасение. Должно быть, именно в ту секунду Бэтмен осознал всю глубину дьявольского замысла Джокера, который утянул его ребенка на самое дно бездны.

Но толпа, не зная правды, продолжала слепо взывать к своим кумирам. Люди требовали Бэтмена, молили о Супермене, совершенно не замечая, что защитники на крышах едва держатся на ногах. Их доспехи и костюмы превратились в окровавленные лохмотья, а по пятам за ними гнались твари, порожденные людской злобой и страхом — проклятые духи.

— Я сгубил его, — прошептал Бэтмен. Этот вечный страж Готэма, смертный, некогда бросивший вызов богам, сейчас казался жалкой тенью самого себя. Его плечи бессильно опустились.

Вслед за Джейсоном он потерял еще одного сына. На этот раз — лишившегося рассудка.

Алый плащ Супермена яростно трепетал на ветру. Своим сверхчеловеческим слухом он ловил глухие рыдания Брюса, а с другого конца света до него доносился победный голос Лекса Лютора, обвинявшего героев во всех смертных грехах.

Все, что они отдали человечеству — свои тела, разум, покой, — было перечеркнуто одним махом. Горы трупов и разрушенные города Лютор выставил их виной, нацепив на защитников кандалы преступников.

В памяти вспыхнул образ вечно спешащего, болтливого бегуна. Маленькая красная молния, которая всегда опаздывала, но в тот раз сгорела без остатка в безжалостных шестеренках интриг Лютора. Флэш погиб.

Кларк слышал дикий, бессмысленный рев толпы. Видел, как порожденные людской ненавистью монстры пожирают своих же создателей, пока те продолжали истощно звать на помощь героев и проклинать их в спину.

Угрожавшая Метрополису ядерная бомба в момент смерти Джокера была отбуксирована Годжо в открытый космос, где и взорвалась, поглощенная солнечной бурей — вот почему Сатору не успел вовремя в Готэм.

Но ради чего все это было? Стоили ли их титанические усилия хоть чего-то? Действительно ли они спасали эту планету?

— Брюс, — позвал Супермен, перенеся уцелевших горожан на безопасную высоту и заперев беснующихся тварей в подземных коллекторах.

Он опустился рядом с напарником. Вместе они смотрели на Белого Ворона, чье тело и разум конвульсивно содрогались, борясь с въевшимся в кровь Вирусом Джокера.

— Я все исправлю. Я защищу этот мир.

Из воспоминаний Кларка вернул тихий вздох. Он медленно опустился на одно колено перед Сатору. Его белоснежный плащ Лорда разметался по грязному полу камеры, собирая пыль, но криптониец не обратил на это внимания. Синева его глаз, обычно холодная и царственная, на миг потеплела.

— Я обещал Брюсу, что присмотрю за тобой, — негромко произнес он, вглядываясь в лицо Годжо. — Пойдем домой, Сатору.

Ухмылка наконец сползла с лица Годжо. Он смерил собеседника долгим, непроницаемым взглядом.

— Брюс мертв.

Супермен на секунду замер, затем медленно выпрямился во весь свой исполинский рост.

— Я не жалею о его гибели. С того момента, как он пошел против нас, он сам выбрал сторону. Стал врагом. Не так ли?

— Вот как? — Сатору проводил взглядом развернувшегося к нему спиной мужчину. Белый силуэт Лорда казался незыблемым, монументальным изваянием. Подол его светлого плаща едва заметно колыхался от сквозняка.

Годжо вальяжно откинулся на спинку стула и лениво помахал ладонью:

— Ну, раз так, иди. А я тут еще немного посижу.

Лорд снова обернулся:

— То, что я разрешил тебе оставить этого человека в живых, не означает, что я позволю тебе скармливать ему собственную плоть.

Супермен перевел тяжелый взгляд на Ганнибала. Этот маньяк, сидевший за столом с неизменно вежливой улыбкой и внимательно изучавший их своими карими глазами, вызывал у него глубокое отвращение. В Лектере чувствовался жуткий гибрид Лютора, Джокера и самого Годжо. Казалось, этот взгляд читал их души как открытую книгу, вытаскивая наружу самые грязные секреты.

— Альфред ждет тебя в поместье. Пожилому человеку вредно так долго оставаться одному на сквозняках.

Сатору даже не шелохнулся.

Кларк на секунду задумался, а затем добавил:

— Кажется, сегодня он испек целую гору твоего любимого печенья. Пару коробок точно.

Пальцы Годжо нетерпеливо забарабанили по столу.

— Я постараюсь закончить сегодняшнее заседание пораньше, — вздохнул криптониец, признавая свое поражение. — Хочешь, по дороге домой захвачу яблочный пирог?

Только после этих слов Сатору довольно сощурился, поднялся со стула и вприпрыжку направился к выходу.

Едва за Годжо закрылась дверь, мягкий свет в глазах Супермена мгновенно угас. Он повернулся к Лектеру, и его ледяной, пронзительный взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Не стоит смотреть на меня с такой неприязнью, господин Супермен, — ровным тоном произнес Ганнибал. Он неспешно поднялся, оправил безупречный лацкан пиджака, подошел к раковине и принялся аккуратно мыть посуду. Закончив, он достал из шкафчика бутылку коллекционного бордо и не торопясь наполнил изящный хрустальный бокал. Тягучая, багровая жидкость заиграла на свету.

Супермен брезгливо поморщился. В Едином Земном Режиме давно действовал строжайший сухой закон. Лишь нежелание злить Сатору удерживало его от того, чтобы превратить бокал и весь винный шкаф в стеклянное крошево.

— Не желаете разделить со мной этот вечер, Лорд Супермен? — Ганнибал слегка приподнял бокал в приветственном жесте.

— Прежде чем сделать что-то, тебе стоит крепко подумать, оправдывает ли цель средства. И никогда не пытайся прощупать границы моего терпения.

Алые лучи теплового зрения мгновенно пронзили хрусталь. Бокал лопнул, и темная, похожая на кровь жидкость хлынула на пол.

Кларк действительно не понимал, зачем Годжо вообще понадобился этот монстр. На счету Лектера были десятки загубленных жизней. По законам Режим за подобные преступления полагалась либо смертная казнь, либо лоботомия — превращение в безвольный овощ. Этот ублюдок должен был гнить в неизвестности, а не щеголять в дорогом костюме, пить запрещенный алкоголь и нагло испытывать выдержку правителя Земли.

Ганнибал лишь сокрушенно покачал головой, глядя на осколки. Он сделал шаг назад, проверяя, не запачкал ли багряными брызгами свои кожаные туфли, после чего спокойно перевел взгляд на тирана.

— Будьте тверже, господин Супермен... прошу прощения, верховный Лорд. Решительность — добродетель правителя. Сомнения губят великие начинания.

Он говорил вкрадчиво, почти нежно, словно искушающий змей:

— Человеческая природа порочна, но ее можно подчинить железному порядку. Разве годы вашего правления не доказали эту простую истину? Так чего же вы ждете? Что вас сдерживает? Колеблетесь?

Он сделал паузу, ловя малейшие изменения на лице Лорда.

— Неужели вы разочаровались в собственном Режиме? Из-за одной конкретной упрямой души... или из-за призраков прошлого?

Супермен сделал стремительный шаг вперед. От его яростного рывка тяжелые стальные прутья решетки застонали и деформировались. Избыток потрясений за сегодняшний день окончательно лишил Лорда его хваленного хладнокровия.

Его глаза налились инфернальным багровым светом. Смертоносные лучи готовы были сорваться в любой миг.

— Слишком много на себя берешь, тварь...

Но прежде чем вспышка лазеров испепелила камеру, сверху, плавно покачиваясь в воздухе, опустился клочок белой бумаги. Кларк рефлекторно перехватил его.

На листке размашистым, небрежным почерком Сатору было выведено:

\* «Эта игрушка принадлежит мне. Чур, не ломать!»\*

Рядом красовалась карикатурная рожица с высунутым языком.

Напряжение, сковавшее плечи криптонийца, спало так же внезапно, как и возникло. Свечение в глазах угасло. Сделав глубокий вдох, он отступил на шаг назад.

— Знай свое место, Лектер, — ледяным тоном процедил Супермен. — И молись, чтобы мое терпение не лопнуло раньше, чем ты надоешь Сатору.

— Повинуюсь вашей воле, мой Лорд, — Ганнибал почтительно склонил голову, демонстрируя безупречные манеры викторианского джентльмена.

Супермен нахмурился — это фальшивое почтение смутно напомнило ему кое-кого другого. Не проронив больше ни слова, он резко развернулся, взмахнул белоснежным плащом и в то же мгновение бесшумно растворился в воздухе.

Пока жизненные показатели Годжо оставались в норме, Лорду не было дела до капризов этого сумасшедшего дома.

«Несносный Вредный кот. Хуже Бэтмена»

Ганнибал с искренним сожалением покачал головой. Спустя минуту он подошел к стене, нажал на скрытую панель и негромко произнес в пустоту:

— Ну вот, Лорд и его питомец ушли. Может, господа наконец соизволят выйти из тени? Пить такое великолепное вино в одиночестве — истинное кощунство.

— Занимайся своим делом и не болтай лишнего, — глухо отозвался низкий мужской голос из-за раздвинувшейся фальш-панели.

<http://bllate.org/book/19544/2004545>